

Это имя вызвало улыбку на губах Хань Мяо. Его взгляд скользнул по весьма потрёпанной даосской одежде, после чего он ответил на приветствие:

— Не стоит благодарности. Меня зовут Хань Мяо, а мою бабушку спас даосский наставник Чжэнь. Я пришёл специально, чтобы выразить свою благодарность за этот великий дар.

«Ха! Благодарности — это то, что он любит больше всего!»

Чжэнь Цюн уже хотел что-то сказать, как вдруг Хань Мяо снова поклонился Го Фу:

— Не могли бы вы, настоятель, оказать любезность и позволить мне поговорить с даосским наставником Чжэнь наедине?

Эти слова заставили Го Фу замереть. Какое дело требует приватной беседы? Однако слова уже были сказаны, да и пожертвований было немало, поэтому он не мог упрямыться и оставаться, чтобы подслушивать. Он тут же улыбнулся и сказал:

— Конечно, господин Хань, пожалуйста.

Сказав это, он бросил строгий взгляд на Чжэнь Цюна и наставительно предупредил:

— Племянник, не вздумай пренебречь почётным гостем!

Этот парень — настоящий источник проблем, нельзя допустить, чтобы он натворил глупостей перед посторонними!

Однако Чжэнь Цюн совершенно не понял предупреждающего взгляда и лишь рассмеялся:

— Не волнуйтесь, дядя!

С богатыми покровителями он никогда не будет небрежен!

Хань Мяо незаметно наблюдал за их реакцией и, проводив Го Фу, пригласил Чжэнь Цюна сесть. Тот не стал церемониться, устроился на месте и, схватив полотенце, начал тереть лицо. Когда он опустил полотенце, оно стало чёрным от сажи, а его лицо, напротив, стало чистым и белым, ещё более привлекательным и миловидным.

Взгляд Хань Мяо скользнул по этому белому и приятному лицу, которое полностью соответствовало современным представлениям о красоте, и он улыбнулся:

— Недавно, находясь в отъезде, я услышал, что мою бабушку обманул какой-то странствующий даос, заставляя её принимать золотые пилюли. Это вызвало у меня серьёзное беспокойство. К счастью, вы пришли на помощь, разобрались с мошенником и даже передали ей технику дыхательной практики. Такой великий дар наша семья Хань никогда не забудет.

Он говорил так серьёзно, что Чжэнь Цюну стало немного неловко:

— Пустяки, к тому же бабушка подарила мне печь для пилюль.

Не стоило об этом упоминать. Услышав о печи, Хань Мяо слегка нахмурился. Видимо, эта печь доставила немало хлопот своему владельцу. Храм Чанчунь — это место, где серьёзно относятся к алхимии, а тут какой-то маленький даос приходит с печью для пилюль. Как это воспримут в храме? Скорее всего, печь конфискуют, а его самого начнут притеснять.

Как и сейчас: его даосская одежда потрёпана, на руках видны шрамы, а лицо покрыто сажей. Вероятно, его используют как слугу для разжигания огня, постоянно заставляя выполнять чёрную работу. Даже его дядя относится к нему с некоторым пренебрежением, не говоря уже о других.

Хотя он пришёл сюда, чтобы главная ветвь семьи ослабила бдительность, этот даосский наставник Чжэнь действительно оказал большую помощь семье Хань. Как можно позволить другим издеваться над ним?

Хань Мяо скрыл свои мысли и мягко улыбнулся:

— Как вам живётся в храме?

Прежде чем предлагать помощь, нужно получить согласие. Также необходимо выяснить обстановку в храме, чтобы действовать правильно. Слишком резкие действия могут только усугубить ситуацию, и Хань Мяо не был настолько опрометчивым.

Чжэнь Цюн моргнул:

— Эм, неплохо?

Хотя старик Чиляо-цзы сильно раздражает, мяса не хватает, и он оказался в ситуации «телом в одном месте, а сердцем в другом», но в остальном всё неплохо. Лекарственные материалы дают щедро, время в алхимической лаборатории не ограничивают, дядя и старшие братья очень заботливы. Здесь гораздо лучше, чем у того дешёвого учителя.

Хань Мяо промолчал.

Взгляд собеседника был настолько чистым, что Хань Мяо на мгновение растерялся. Ему так плохо обращаются, а он считает, что всё хорошо? Неужели он привык к притеснениям или же просто не обращает внимания на внешние вещи, сохраняя чистоту души?

Немного запнувшись, Хань Мяо улыбнулся:

— Моя семья занимается чаем, и я немного разбираюсь в искусстве взбивания чая. Не согласитесь ли вы выпить со мной чашечку?

А? Зачем ещё и чай пить? Чжэнь Цюн облизнул губы, поняв, что действительно хочет пить, и кивнул.

Увидев, что тот не отказался, Хань Мяо взял чайные принадлежности и начал готовить чай. Западная ветвь Хань занимается чаем уже много лет, и Хань Мяо освоил искусство взбивания чая до совершенства.

Сначала он разбил чайный брикет, завернутый в чистую бумагу, вытащил кусочки чая и поместил их в чайную мельницу. Чтобы не испортить цвет чая, нужно молоть его быстро и аккуратно. Ловко вращая мельницу, Хань Мяо быстро превратил чай в порошок, который затем просеял через сито, чтобы отделить мелкие частицы, подходящие для заваривания.

Видимо, зная его предпочтения, настоятель подготовил чай из Цзянь, качество которого было не самым высоким, но вода из горного источника храма Чанчунь была превосходной, что делало цвет чая более насыщенным.

Разделив чайный порошок на две чашки, он заметил, что медный чайник на жаровне начал слегка кипеть. Не прибегая к помощи слуг, он сам поднял чайник, сначала налил немного воды в чашки, чтобы превратить чайный порошок в густую пасту. Когда вода немного остыла, он одной рукой держал чайник, а другой — ложку, наливая воду в чашки. Вода, попадая в чашки, взбивалась ложкой, и в обеих чашках поднялся белый пар, а пена напоминала облака. Когда чашки были наполнены на две трети, их содержимое стало молочно-белым, и аромат был настолько приятным, что любой бы восхитился.

Однако выражение лица Хань Мяо оставалось спокойным, и он с невозмутимым видом поднёс одну из чашек Чжэнь Цюну:

— Пожалуйста, попробуйте.

При первой встрече неизбежно чувствовать себя скованно, и некоторые вещи трудно высказать сразу. Лучше воспользоваться моментом чаепития, чтобы узнать больше.

Чжэнь Цюн был поражён. Он с детства привык пить рассыпной чай и никогда не видел такого сложного процесса заваривания. Высокий, изящный юноша, с лёгкостью и грацией готовящий ароматный чай, — это было поистине приятное зрелище. Однако вкус Чжэнь Цюна оставлял желать лучшего, и он не оценил элегантности, а скорее почувствовал... эм, аристократическую атмосферу?

Взглянув на чашку с белой пеной, он осторожно поднял её, сдул пену и сделал глоток, после чего его лицо сморщилось.

Какая горечь!

Но человек так старался, что не пить было бы невежливо. Чжэнь Цюн стиснул зубы, поставил чашку и достал из кармана маленький флакон, вытащил пробку и вылил содержимое в чай. Может, с сахаром будет вкуснее?

Увидев, как Чжэнь Цюн сдувает пену, Хань Мяо понял, что тот никогда не пил хороший чай, не умел его оценивать и наслаждаться им, словно бык, жующий пионы. А в гостевой комнате храма Чанчунь были такие чайные принадлежности, но он никогда не учился искусству взбивания чая, что говорило о его положении в храме.

Однако, как только эта мысль пришла ему в голову, он увидел, как маленький даос достал из кармана флакон и вылил что-то в чай. Увидев это, Хань Мяо не смог сдержать лёгкого недовольства.

Только что добавив сахар, Чжэнь Цюн заметил взгляд, направленный на него. Он поднял глаза и увидел, что Хань Мяо слегка нахмурился, глядя на флакон. Немного подумав, Чжэнь Цюн спросил:

— Хотите тоже?

Хань Мяо тут же разгладил брови и с улыбкой отказался:

— Я не люблю добавлять соль в чай.

Чай из Цзянь — это чай для подношений, и даже если качество в храме не самое высокое, добавлять соль в него неприемлемо, нужно наслаждаться его «истинным ароматом». Хань Мяо, привыкший к торговле чаем, не смог сдержаться и немного потерял лицо.

— А? — удивился Чжэнь Цюн. — Это не соль, это сахар.

Что?! Даже такой хладнокровный человек, как Хань Мяо, был потрясён. В этом флаконе был сахар? Кто когда-нибудь видел сахар белый, как снег, и мелкий, как пыль?!

Эта мысль заставила его улыбнуться:

— Неужели это сахар? Могу я попробовать?

С этими словами он протянул руку к Чжэнь Цюну. Рука была стройной и длинной, с аккуратными ногтями и слегка розовой ладонью. Длинный рукав слегка свисал, создавая ощущение лёгкости и изящества, но при этом не казался навязчивым, и отказать было невозможно.

Чжэнь Цюн посмотрел на руку, затем на свой флакон и, наконец, сжав зубы, подошёл ближе и высыпал щепотку сахара на ладонь. Это было всё, что осталось у него с прошлого храма.

Хань Мяо промолчал.

Глядя на щепотку белого сахара на своей ладони, он на мгновение онемел. По логике, разве он не должен был передать флакон? Что это за щепотка?

Однако, будучи опытным, он смог сохранить спокойствие и уверенно убрал руку. Не обращая внимания на взгляды окружающих, он коснулся сахара кончиком пальца, положил его в рот, и сладкий вкус сразу же заполнил его рот. Это действительно был сахарный иней, но в отличие от обычного коричневого сахара, он был лёгким, прозрачным, с чистым и очень сладким вкусом!

Автор хочет сказать:

Хань Мяо: «Настоящая бедность? Цк, кажется, имя я ему не зря так выбрал».

Даосский наставник Чжэнь: «Плачет».

<http://bllate.org/book/16827/1547186>